

АЛЕКСЕЙ КУРБАТОВ: «НЕ ПИШИ МУЗЫКУ, ЕСЛИ МОЖЕШЬ ЕЁ НЕ ПИСАТЬ»

16 МАРТА В РАМКАХ ФЕСТИВАЛЯ «ОПЕРА АПРИОРИ» ПОД ГРИФОМ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОПЕРА: ЗА ГРАНЬЮ ВООБРАЖЕНИЯ» СОСТОЯЛАСЬ МИРОВАЯ ПРЕМЬЕРА ОПЕРЫ АЛЕКСЕЯ КУРБАТОВА «ЧЁРНЫЙ МОНАХ» ПО МОТИВАМ ОДНОИМЁННОЙ ПОВЕСТИ АНТОНА ЧЕХОВА (1893). ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ПАРТИИ В ОПЕРЕ ИСПОЛНЯЮТ ДАРЬЯ ЗЫКОВА (СОПРАНО), МАКСИМ ПАСТЕР (ТЕНОР), ПЁТР МИГУНОВ (БАС), ГЕВОРГ ГРИГОРЯН (БАС-БАРИТОН).

Сочинять музыку Курбатов стал в раннем детстве. Первое произведение создал в пятилетнем возрасте, а в шесть лет написал балет. В 1990 Алексей поступил в Центральную среднюю специальную музыкальную школу (Москва) в класс фортепиано, а в 1994 году состоялся первый авторский вечер одиннадцатилетнего композитора в Органном зале музея музыкальной культуры им. Глинки. В первые годы учения в школе Алексей помимо фортепиано занимался композицией с профессором Т. А. Чудовой, позже брал уроки у Т. Н. Хренникова и Е. Д. Терегулова. К четырнадцати годам Алексей Курбатов – уже автор множества произведений для различных инструментов: это три фортепианных концерта соло, соната для двух фортепиано, три концерта для фортепиано с оркестром, концерт для альты с оркестром, соната для альты и фортепиано, соната для флейты и фортепиано, множество фортепианных пьес. В 2000 году Курбатов поступил в МГК им. П. И. Чайковского, где учился в классе специального фортепиано доцента Ю. Р. Лисиченко, а впоследствии у профессора М. С. Воскресенского.

Алексей Курбатов известен публике и как замечательный, яркий, самобытный пианист. Он лауреат нескольких международных конкурсов, среди них – YAMAHA World Competition (2002), конкурс памяти В. Горовица (2005), конкурс пианистов в Мадриде (2006). География его гастрольных поездок обширна: это более 60 городов России, Австралия, Австрия, Армения, Белоруссия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Германия, Испания, Италия, Казахстан, Китай, Латвия, Португалия, США, Франция, Хорватия, Украина... Алексей выступал со многими оркестрами, в лучших залах России и зарубежья. Его записи издавались на CD и звучали по радио и телевидению во многих странах.

Алексей активно принимал участие в культурных программах фондов В. Спивакова, М. Ростроповича, фонда Русское исполнительское искусство и других, а также выступал совместно в одних концертах с такими всемирно известными музыкантами, как Владимир Спиваков, Миша Майский, Максим Венгеров...

В преддверие мировой премьеры в Москве с Алексеем Курбатовым встречалась корреспондент «Музыкального журнала».

Интервью – Карина Гучунова.

– Вы – ученик действительно выдающихся представителей отечественного мира музыки. Что вы приняли от них как данность, с чем были не согласны?

– Мне очень везло в жизни с наставниками. У них у всех было общее качество – они умели привить ученику свои музыкантские принципы, не задавив творческой индивидуальности, а, напротив, полнее её раскрыв. А если я с чем и не соглашался в процессе обучения, то потом, ретроспективно, всегда убеждался в пра-

воте профессора. Это удивительное свойство настоящего мастера, и оно мне запомнилось во всех моих учителях.

– Считаете ли вы себя продолжателем традиций русской советской музыкальной культуры, и, если – да, то в чём это выражается? В музыкальном стиле, в музыкальных смыслах?

– Я не ощущаю себя вырванным из какого-либо контекста музыки XIX-XX века. И в этом смысле да, меня можно называть про-

должателем традиций русской и советской музыкальных культур (тем более, что я пользуюсь всеми достижениями русского мелоса). Но, мне кажется, не в меньшей степени на мою музыку оказали влияние немецкие романтики, экспрессионисты, французская Шестёрка, и ещё множество и множество замечательных композиторов. Вообще спектр музыки, которую я ценю, чрезвычайно широк, и в этом смысле мне очень близко высказывание великого Шостаковича: «Я люблю всю музыку – от Баха до Оффенбаха».

– Пианист и композитор не спорят в вас? Ваши исполнительские пристрастия как интерпретатора? Исполняете ли вы на концертах собственную музыку?

– Надеюсь, не спорят. Разве что, в последнее время я меньше играю сольных концертов, и всё чаще выступаю, как исполнитель собственных произведений. Я недавно подсчитывал – из обычных шестидесяти-семидесяти концертов в год как минимум в половине я что-то своё исполняю – либо сольно, либо в ансамбле, и даже в оркестре люблю посидеть и поиграть (ради этого часто включаю в свои симфонические произведения фортепиано, чтобы ощутить сочинение «изнутри»).

А если говорить о музыке других композиторов – у меня достаточно обширный репертуар, он включает сольные и камерные сочинения практически всех композиторов из учебника музыкальной литературы. Плюс некоторые современные композиторы. К примеру, я очень люблю слушать и играть произведения своих соотечественников Павла Карманова и Полины Назайкинской.

– Ваша музыкальная карьера началась с сочинения балета, большой популярностью пользуется ваше переложение для фортепиано балета «Весна священная» Игоря Стравинского... Чем вызвано столь пристальное в вашем творчестве внимание к балету? Ваше отношение к ситуации в современном балете?

– Меня, скорее, интересовала партитура, чем балет как пластическое искусство, хотя я, конечно, очень его ценю. Дело в том, что моя мама ради того, чтобы я мог спокойно учиться в ЦМШ (а дорога туда занимала тогда два часа в один конец) устроилась работать в эту школу библиотекарем. И я имел беспрепятственный доступ к сокровищнице – хранилищу партитур. Сейчас, во времена интернета и полной доступности любой информации, это кажется надуманной проблемой, но тогда в продаже партитур не было вообще, да и записей было мало, поэтому я со многими шедеврами музыкальной литературы познакомился, изучая ноты, взятые в маминной библиотеке. И вот как-то раз дошла очередь до «Весны священной» (а я, к стыду своему, к тому моменту этой музыки не слышал, а по курсу истории музыки Стравинского проходили аж через два года). Я совершенно влюбился в эту партитуру, забрал ноты домой и принялся играть всё, что видел, на фортепиано. Когда мне стало ясно, что напрямую с партитуры звуча-

ние получается очень корявое, я решил записать все, что возможно сыграть двумя руками. И настолько увлёкся этим процессом, что работа заняла всего два дня. А в результате получился удобный, играемый текст.

– Жизнь и так тяжела, почему сейчас, когда, казалось бы, всем так не хватает света и настоящего праздника, вы пишете и ставите оперу (речь, конечно, идёт о «Чёрном монахе»), столь безнадежную по своей теме, по сюжету? Вам близка тональность безысходности?

– Не совсем. С одной стороны, я понимаю, что жизнь одна, и через призму *memoria mori* можно рассматривать каждое моё сочинение. Но, с другой стороны, я чувствую и слышу во всём живом, настоящем ощущение трагичности, печали бытия и общности всего-во-всём. Оно – пульсирующее, кровоточащее, но светлое и красивое. И в этом смысле мне очень близка идея чеховского «Чёрного монаха» и трагедия его главного героя.

– Ваше композиторское кредо?

– Не писать музыку, если её можно не писать.

*Фото любезно предоставлены
пресс-службой фестиваля
«Опера Анриори».*